

DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-122-131

ОСМЫСЛЯЯ БЕДНОСТЬ: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ОТВЕТСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Бардин Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных
отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук
Российская Федерация, 117997, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23
E-mail: andreybardin@gmail.com

Сигачёв Максим Игоревич, кандидат политических наук, младший научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных
отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук
Российская Федерация, 117997, г. Москва, ГСП-7, ул. Профсоюзная, 23
E-mail: maxsig@mail.ru

Кутергин Василий Алексеевич, преподаватель
Средняя общеобразовательная школа ФГБОУ «МДЦ «Артек»
Российская Федерация, 298645, г. Ялта, пгт. Гурзуф, ул. Ленинградская, 55А
E-mail: killswitch07@mail.ru

В статье анализируются актуальные вопросы, связанные с социальным аспектом концепции ответственного развития. Авторы доказывают необходимость фундаментального подхода к бедности как к основополагающей категории социально ориентированного дискурса. Статья посвящена рассмотрению проблем бедности и неравенства в трудах философов, экономистов и социологов. В ней предпринимается попытка структуризации современного научного и политического дискурсов в связи с отношением мыслителей к проблемам бедности и неравенства, а также в контексте необходимости пересмотра подходов к формированию социальной политики в сегодняшних непростых социально-экономических условиях. Авторы исследуют предпосылки того, как проблематика бедности, неравенства, социальной справедливости оказывается в центре современной политической повестки дня, ими ставится вопрос о влиянии бедности и неравенства на социальную стабильность современного глобализирующегося мира.

Ключевые слова: бедность, неравенство, социальная политика, социальная нестабильность, глобализация, развитие, ответственное развитие

RETHINKING POVERTY: SOCIAL DIMENSION OF RESPONSIBLE DEVELOPMENT CONCEPT

Bardin Andrei L., Cand. Sc. (Politics), Research Officer
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: andreybardin@gmail.com

Sigachev Maksim I., Cand. Sc. (Politics), Research Assistant
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: maxsig@mail.ru

Kutergin Vasily A., Lecturer
International Child Center "Artek"
55 A Leningradskaya Str., Gurzuf, Yalta, 298645, Russian Federation
E-mail: killswitch07@mail.ru

This article is an attempt to structure the discourse on poverty and inequality, as it appears in the works of renowned philosophers, economists and sociologists. Globally, the problem of poverty and inequality remains unsolved and is aggravated by global crises and, most recently, the COVID-19 pandemic, posing a threat to social stability. The authors point out that, in the short and middle term, solution to this problem under the current paradigm of development seems highly unlikely. The sustainable development paradigm, which has been globally recognized, has numerous strong points; however, it also has a number of internal contradictions, especially regarding the social aspects of development. Therefore, a more socially oriented model of development could help overcome these drawbacks. With this goal in mind, the authors introduce the concept of responsible development, and dwell on the history of thought on the problem of poverty and inequality. This review could serve as a basis for further research of social policy, as well as for development of analytical and policy tools that pay more attention to the moral and ethical dimension of social issues.

Keywords: poverty, inequality, social policy, social instability, globalization, development, responsible development

Начиная с последней трети XX в. в мире идёт активный поиск таких подходов и практик развития, которые позволили бы не только добиться экономического процветания и социального благополучия, но и обеспечить лучшую жизнь для последующих поколений, а также дать ответ на глобальные проблемы и вызовы, стоящие перед человечеством.

Наибольшую известность и широкое воплощение на практике получила концепция устойчивого развития, оформившаяся как компромисс целого ряда акторов. Однако несмотря на ряд сильных сторон и несомненную пользу, эта концепция имеет и целый ряд внутренних противоречий и ограничений [1], что стимулирует дальнейший научный поиск в области подходов к развитию.

Позволим себе остановиться на концепции *ответственного развития*, которая в том числе призвана восполнить лакуны в концепции устойчивого развития и ориентирована на минимизацию рисков, связанных с нарастающей глобальной нестабильностью. Особое внимание эта концепция уделяет *социально-гуманитарным аспектам развития*, таким как социокультурные, морально-нравственные и духовные.

Идея ответственного развития разрабатывается коллективом учёных ИМЭМО РАН во главе с чл.-корр. РАН И.С. Семеновым и впервые была сформулирована в монографии «Мир 2035. Глобальный прогноз» [11]. Авторы предлагают модель, в основе которой лежат принцип *непрерывного соотношения* деятельности государственных институтов с динамикой и спецификой развития местных сообществ и частного сектора. В этом взаимодействии крайне важно поддерживать *культуру диалога и обратной связи*, опираться на *возобновляемые источники* как на приоритетные ресурсы развития, а также на *нематериальные стимулы* деятельности человека, которые в современном мире служат одним из ключевых источников *социально-экономических инноваций*. В числе приоритетов ответственного развития также находятся поддержание оптимального (с точки зрения минимизации рисков) *баланса между инновационным мышлением и приверженностью традициям*. Важная роль отводится *нравственной мотивации* развития и расширению возможностей *участия граждан* в формировании и поддержании такой социальной среды, которая *способствует реализации творческих способностей* [11].

Таким образом, ответственным можно назвать такое развитие, при котором осуществляется *взвешенная оценка возможных последствий* принятия тех или иных управленческих решений и внедрения технологий, учитывающая не только показатели эффективности, но и уделяющая *особое внимание их влиянию на социально-гуманитарную сферу* (подробнее см. [18]).

В этой статье мы обращаемся к важной проблеме современности, которая резко обострилась в свете глобальных кризисов и пандемии COVID-19 – к проблеме *бедности и социального неравенства*. Наша задача – осмыслить эту проблему как *всеобъемлющую категорию*, не только социально-экономическую и политическую, но и философскую, предприняв попытку структуризации научного и политического дискурсов. Как видится, такой анализ будет полезен

для дальнейшей разработки темы социального неравенства как одного из центральных вопросов современной политической повестки дня, как в рамках концепции ответственного развития, так и за её пределами.

Бедность и неравенство являются вечными спутниками человеческого бытия со времен «доэкономических обществ», в которых уже существовало иерархическое устройство. Однако эти явления *не рассматривались как нечто, имплицитно содержащее призыв к действию*: неслучайно Р. Хайлбронер сказал, что в Средневековье Адам Смит, автор классического труда о природе бедности и богатства народов, был бы хорошим моралистом, но не экономистом, поскольку в домодерновых обществах проблема бедности осмысливалась с совершенно иных позиций, нежели чем в обществах, переживающих промышленный переворот. Стабильность домодерновых сообществ строилась на сочетании «традиции» и «принуждения» [21, с. 17], откуда и исходило отношение к феномену бедности. Менялся лишь «знак» этого отношения: от негативного, осуждающего, до восхваления добродетели бедняка.

Становление современного общества, связанное с формированием национальных государств, секуляризацией сознания и научной революцией, постепенным переходом от мир-империй к мир-системе, привело к выделению экономики в самодостаточное явление: именно в эпоху Просвещения появляется экономика как наука, начинают осмысливаться причины роста неравенства, пути процветания, делаются первые прогнозы (не в форме утопий, а в форме научных попыток предвидеть будущее). Проблема бедности всё больше переходит в практическую плоскость.

Государства, переживавшие промышленный переворот, сталкиваются с необходимостью борьбы с ростом бедности. Появляется «специальная» политика государства, направленная на преодоление нищеты граждан, сначала, правда, в весьма ограниченных и специфических формах. Можно вспомнить, например, как в Великобритании времён Ганноверской династии борьба с бедностью ограничивалась небольшими субсидиями, работными домами, что было ярко описано в романах Чарльза Диккенса. Лишь гораздо позднее появилось *социальное государство*, в качестве цели своего существования ставившее обеспечить всем своим гражданам достойную жизнь и справедливое распределение богатства.

Поиск решения этой труднейшей задачи – своего рода политэкономической «квадратуры круга» – обеспечения социальной справедливости и достатка – привлекали интерес крупных философов, экономистов, социологов и политиков на всём протяжении мировой истории. Однако рецепты борьбы с бедностью и её понимание отличались, каждая эпоха предлагала свой вариант.

Вопросы бедности и неравенства ставились уже в трудах древнегреческих философов Платона и Аристотеля, которые затрагивали не только «высшие» философские, но и более практические – социально-экономические и политические – аспекты данной проблематики. Как подчёркивал князь Е. Н. Трубецкой в статье «Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении» [22], с точки зрения Аристотеля во всех когда-либо существовавших государствах непрерывно идёт борьба между двумя тенденциями, одна из которых связана с преобладанием большинства бедных – «разнузданной демократией», тогда как другая подразумевает господство меньшинства богатых – «узкую олигархию» [22, с. 19]. Если государство желает успешно пройти между Сциллой демократии и Харибдой олигархии, оно в соответствии с аристотелевским идеалом, должно основываться на *господстве среднего класса*, состоящего из небогатых и в то же время небедных зажиточных людей, которые чужды как крайностям богатства, так и крайностям бедности.

Е. Н. Трубецкой писал, что Аристотель определял «политику» в качестве такого государства, которое представляет собой «золотую середину» между олигархией и демократией. Политика Аристотеля не зависит ни от «властолюбия богачей», ни от «голодной жадности нищей толпы», обладая свободой от противоположных крайностей олигархического и демократического строя: влиянием на верховную власть обладают не только богатые и знатные, но и бедные, поскольку у них есть возможность посещать народные собрания для принятия участия в управлении государством. Е. Н. Трубецкой отмечает, что опорой аристотелевского государства является «сильный и могущественный средний класс зажиточных людей» [22, с. 20]. Поэтому для Аристотеля лучшими из демократических форм правления являются те, которые

несут в себе элементы аристократических учреждений. Аналогичным образом, среди олигархических форм правления аристотелевская политика ближе всего к тем, которые обеспечивают хотя бы ограниченное участие бедных и низших классов в управлении государством, частично приобщая их к верховной власти [22, с. 21].

Таким образом, из относящегося к философии принципа «золотой середины» Аристотель выводил практические следствия, подразумевающие *основополагающую роль среднего класса* в политике и экономике античного полиса. При этом в рамках аристотелевской концепции философский, социально-экономический и политический аспекты проблемы бедности и социального неравенства оказывались слитыми воедино.

Учитель Аристотеля Платон в своей главной работе «Государство» указывал на этические аспекты проблемы бедности, отмечая, что богатство и влияние обеспечивают уважение в общественной жизни, и в быту даже для негодяев, тогда как бедных презирают и ни во что не ставят независимо от их моральных качеств [15, с. 74]. Платоновская концепция бедности концентрировалась на морально-нравственном аспекте данной проблемы, отдавая предпочтение, по сравнению с трудами Аристотеля, философскому измерению бедности и неравенства.

Следует обратить внимание на то, что аристотелевское учение о среднем классе как опоре и «стабилизаторе» политического порядка удивительно актуально звучит в условиях стремительного ухудшения социально-экономической ситуации: политики вынуждены искать новые пути обеспечения социальной стабильности в условиях, когда возможности прежних инструментов социальной политики оказались в целом исчерпанными.

Развивая заложенные в Нагорной проповеди постулаты, христианские мыслители поздней Античности и Средневековья также задумывались над проблемами, связанными с бедностью и неравенством. В первую очередь речь идет о патристике средневекового Запада и Востока, где эти вопросы рассматривались с высот христианской религиозной философии. Таким образом, в рамках подхода средневековых мыслителей к проблемам бедности, который базировался на этике христианства, бедность рассматривалась прежде всего в морально-нравственном ключе. В частности, ее изучал западнохристианский богослов Августин Блаженный. Как отмечает переводчица августиновской «Исповеди», крупный филолог М. Е. Сергеенко в статье «О Блаженном Августине» [19], Августин придавал огромное значение заботе о бедных, рассматривая помощь нуждающимся в качестве важнейшего элемента деятельности Церкви [19, с. 272]. В «Исповеди» он призывал раздавать бедным земные блага ради приобретения небесных, проявляя милосердие по отношению к нуждающимся [3, с. 242]. Раздача имущества пребывающим в бедности и нищете служит залогом приобретения «сокровища на небесах» [3, с. 229]. Августин выступал как последовательный сторонник церкви бедных, для которой недопустимо, чтобы «в святилище Твоем богачей принимали впереди бедняков, а знатных впереди незнатных» [3, с. 111].

Современник Августина Иоанн Златоуст также уделял внимание проблемам бедности и неравенства с точки зрения по преимуществу философского измерения данной проблематики. Он указывал, что желающие получить воздаяние на небесах должны подавать щедрую милостыню бедным [7, с. 45]. Сопоставление западной патристики с восточной позволяет говорить об общности точек зрения восточных и западных отцов по тем вопросам, которые в будущем стали относиться к сфере экономической и социальной политики.

Стоит отметить, что отношение к бедности, сформировавшееся в эпохи Античности и Средневековья, отличалось следующими важными моментами. Во-первых, констатировался тот факт, что бедность является «естественным» положением вещей. В Античности это нашло наиболее яркое отражение в философии Аристотеля («...Некоторые существа различаются в том отношении, что одни из них как бы предназначены к подчинению, другие к властвованию...»). Во-вторых, христианская этика рассматривала бедность не как грех, но как своего рода добродетель. Можно вспомнить притчу о Праведном Лазаре и знаменитом высказывании из Евангелия: «Кесарю – кесарево» (Матф. 22:21), нищенствование средневековых монахов. Благотворительность же и помощь беднякам также считались добродетелями («Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (Рим. 15:2)), но лежащими в плоскости личного выбора каждого человека. Отношение к бедности, таким образом, лежало в плоскости

этики, сам факт её присутствия в жизни общества не рассматривался как то, с чем нужно бороться и за что должны в какой-либо мере нести ответственность государство или общество.

Принципиальный перелом в осмыслении проблем бедности и социального неравенства произошёл в Новое время в связи с процессами секуляризации сознания, становлением государств модерна. Если в Средневековье у бедных было утешение в виде надежды на райское блаженство в Царствии Небесном, то теперь они стали связывать своё будущее с построением уже земного рая «здесь и сейчас», отсюда и появление различных утопий.

На рубеже Средних веков и Нового времени о проблемах бедности задумались мыслители эпохи Возрождения. В XV в. английский философ и политик Томас Мор [12], один из основоположников философии гуманизма и утопизма, указывал на бедность как на источник социально-экономической нестабильности и политических потрясений. Фактически он подчёркивал важность понимания правящими элитами значения заботы о социальном благополучии своих граждан для государства. Т. Мор отмечал, что правитель должен в первую очередь заботиться о благе народа, а не о собственных интересах. В данном тезисе сочетаются как философское, так и социально-экономическое и политическое измерения проблемы бедности и социального неравенства. Она приобретает сначала острое социально-экономическое, а затем и политическое звучание тогда, когда она начинает составлять непосредственную угрозу социальной стабильности.

Т. Мор отчётливо сознавал важность вопроса о влиянии бедности на устойчивость общества, поскольку обнищание вызывает народное недовольство существующим укладом жизни. В свою очередь, народ, которому уже нечего терять, составляет питательную среду для переворотов, возлагая на них надежды на появление новых шансов на улучшение своего благосостояния. По мнению английского гуманиста и утописта, виновному в обнищании народа и вызвавшему тем самым презрение и ненависть подданных правителю следует отречься от царства, а не пытаться любой ценой удержаться у власти. Если правитель добивается повиновения бедных «бранью, грабежом и конфискацией имущества», то он «удерживает имя властелина, однако, разумеется, утрачивает величие. Ведь царское достоинство заключается не в том, чтобы выказывать свою власть над нищими, а скорее уж – над счастливыми» [12, с. 45]. Как мы видим, в трудах английского мыслителя осмысливается необходимость проведения активной социальной политики (хотя сам термин появился, естественно, значительно позднее) уже не уровне абстрактного «блага подданных» и практик «чудотворства» королями.

Важно отметить, что Т. Мор был католиком, поэтому его представления – это развитие этики католицизма в условиях начала секуляризации сознания, когда «осень Средневековья» с его религиозностью сменялась светским Новым временем. Примерно в одно время с Т. Мором в недрах христианства зарождается иная тенденция, которая была связана с протестантизмом. Можно говорить, что в идейном плане именно протестантские деноминации, наряду с влиянием научной революции, генерировали тот импульс, который привёл к секуляризации сознания и иному отношению к бедности. К примеру, кальвинисты рассматривали успех в жизни как признак предопределения ко спасению, отсюда отношение к бедности как к чему-то греховному, чего не знало средневековое христианство.

Стремление к личному богатству, преуспеванию, иные поведенческие паттерны и принципы экономической жизни в этическом плане «развернули» отношение к бедности. Она перестала быть частью естественного положения вещей, возникло понимание, что с ней нужно что-то делать. Отношение к бедности постепенно стало переноситься в плоскость практической политики: появившиеся суверенные государства, тот пресловутый *Левиафан* Гоббса, в целях поддержания «общественного договора» должны были бороться с бедностью, с ростом экономического неравенства, связанного с развитием капиталистических отношений.

Сформировалась парадигма модерна, в рамках которой государство должно заботиться о своих гражданах, реализуя социальную политику. Как утверждает Э. Геллнер, чётко формулируя эту парадигму, социальная политика выступает в качестве инструмента легитимации политической власти и государства. Аналогичным образом, верно и обратное утверждение – отсутствие социально-экономической политики приводит к их делегитимации.

Особенно острое политическое звучание проблематика бедности приобретает в эпохи кризисов, смут и революций (собственно говоря, поэтому революции и являются детищем эпохи

модерна, о чем говорит известный историк Мартин Малиа в своей работе «Локомотивы истории» [9]. Не случайно и то огромное влияние, которое на мировое сообщество оказала российская Октябрьская революция 1917 г., родившая альтернативу, которую страны «реального социализма» смогли предложить человечеству на пути решения проблем бедности и неравенства, заставившая капиталистические страны проводить более активную социальную политику.

При этом на интеллектуальную мысль парадигма модерна также оказала огромное влияние. Теперь мыслители предлагали различные рецепты борьбы с бедностью, которые условно можно разделить на те, которые были связаны с активной государственной социальной политикой, и те, которые подразумевают личную ответственность человека за своё материальное положение (на уровне индивидуальных усилий либо же в форме коммунитарных практик в духе британского утописта Роберта Оуэна). Таким образом, *сформировались два полюса*, между которыми располагалась социальная мысль экономистов, социологов, философов модерна, осмысляющих феномен бедности.

Так, для мыслителей марксистского направления проблема бедности и борьбы с ней была связана с захватом власти. Государство с точки зрения теоретиков марксизма является инструментом господства буржуазии, для борьбы с бедностью и формами эксплуатации рабочему классу и выразителям его интересов (революционному авангарду, рабочей партии) необходимо прийти к власти. После её захвата, тот этап, который называется «диктатурой пролетариата», нивелирует классовое деление и приведёт к вызреванию бесклассового общества, где не будет бедных и богатых. Таким образом, в марксистской трактовке борьба с бедностью увязывается с захватом власти и проведением активной политики через государство пролетариата. В этом плане марксистская мысль была ярким проявлением «этатистского» полюса научного осмысления социальной реальности.

Ярким представителем «немарксистского» направления этого «полюса» был американский экономист Генри Джордж, оказавший огромное влияние на социалистическую мысль конца XIX в. Исследуя причины промышленных застоев и бедности, «растущих вместе с ростом богатства», он в 1879 г. отмечал, что «наше столетие ознаменовалось чрезвычайным ростом производительных сил... В начале этой поразительной эры ожидали, да и было естественно ожидать, что сокращающие труд машины облегчат труд и улучшат положение рабочего, и огромный рост производительных сил сделает существующую бедность достоянием прошлого» [5, с. 7]. Однако этого не произошло, и рост бедности лишь ускорился. Напротив, как отмечал Генри Джордж, «где условия, к которым повсюду стремится материальный прогресс, осуществлены с наибольшей полнотой, то есть, где наиболее плотное население, наибольшее богатство и в наивысшей степени развит механизм производства и обмена; там мы встречаем и самую ужасную бедность, самую острую борьбу за существование и самые тяжелые формы безработицы... в странах, где материальный прогресс достиг более поздних ступеней развития, находим мы и широко распространённую бедность посреди наибольшего богатства» [5, с. 11].

По мнению Генри Джорджа, «этот великий факт, что бедность и её спутники являются сами собой в обществах, лишь только они, развиваясь, достигают тех условий, к которым стремится материальный прогресс, – доказывает, что общественные затруднения, существующие всюду, где только прогресс достиг известной ступени, возникают не из местных причин, но так или иначе порождаются самим прогрессом... огромный рост производительных сил, который ознаменовал собой настоящее столетие и который ещё продолжается и теперь с возрастающей быстротой, не стремится к тому, чтобы вырвать бедность или облегчить положение людей, обременённых работой. Он просто расширяет пропасть между богачом и бедным Лазарем и усиливает борьбу за существование» [5, с. 12–13]. Рецепт Джорджа против бедности была политика национализации.

На другом полюсе дискурса по проблемам богатства и бедности, справедливости и несправедливости находятся представители либеральной и даже либертарианской мысли. Теоретик Австрийской экономической школы (АЭШ) Фридрих фон Хайек критиковал социалистов и коммунистов за ненависть к деньгам, рассматриваемым ими в качестве символа тех ограничений, которые относительная бедность налагает на человека. С точки зрения самого фон Хайека, деньги – это «величайший из когда-либо изобретенных человеком инструментов свободы. Именно деньги открывают теперь перед бедными гораздо большие возможности,

чем несколько поколений назад были открыты перед богатыми [20, с. 104]. Отношение Хайека строилось на субъективном понимании бедности. В трактовке представителей АЭШ любой человек мог её преодолеть, поскольку мир капитализма давал целый ряд возможностей для этого.

Об этом всем писал другой представитель АЭШ – Людвиг фон Мизес. Он также считал, что преодоление бедности лежит на пути «естественной рыночной экономики», тогда как в результате государственного регулирования свободы торговли население беднеет из-за уменьшения объёма производства. Поэтому, с точки зрения фон Мизеса, единственным действенным средством по сокращению количества бедных и нищих является невмешательство государства в функционирование свободного рынка и опора на либеральную «капиталистическую систему, которая, несмотря на все препятствия, созданные на её пути правительствами и политиками, привела к беспрецедентному повышению уровня жизни широких масс населения» [10, с. 7].

Стоит отметить, что рассмотренные представители Австрийской экономической школы выступили идеологами структурных реформ 70–80-х гг. XX в., проводившихся, в частности, правительствами М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США. Критикуя господствовавшее на протяжении тридцати послевоенных лет кейнсианство с позиций экономического либерализма и монетаризма, требующих сведения к минимуму государственного регулирования и сокращения расходов на социальную политику, они способствовали утверждению «правого» – *неолиберального* и *неоконсервативного* – варианта социально-экономической политики, идущего на смену кейнсианской модели.

Таким образом, в интеллектуальных дискуссиях этого этапа проблема бедности и её решение осмысливалась с двух полюсов. Об этом говорит, в частности, французский экономист Томас Пикетти, противопоставляя два взгляда на распределение богатств. Один из них принадлежал Карлу Марксу, который на материале XIX в. делал вывод, что динамикой накопления частного капитала обусловлена всё большая концентрация богатства и власти в руках немногих. Второй взгляд на проблему предложил Саймон Кузнец в XX в., полагавший, что «уравновешивающие силы роста, конкуренции и технического прогресса спонтанно обеспечивают сокращение неравенства и гармоничную стабилизацию на высших стадиях развития» [14, с. 20].

Действительно, казалось бы, в рамках индустриальной парадигмы сложился устойчивый порядок, который должен постепенно привести мир к процветанию, к победе над бедностью (об этом писал Саймон Кузнец). Однако научно-технический прогресс, приведший к формированию новых профессий, автоматизации некоторых «старых отраслей», распаду организованного рабочего класса, а также *кризис социального государства*, связанный с ростом дефицита бюджета (последнее стало катализатором структурных реформ), показали, что проблема бедности далека от своего разрешения.

Представляется, что по факту проведения структурных реформ следует признать правоту К. Маркса, поскольку практическим результатом отказа от кейнсианства в пользу экономического либерализма стали не «сокращение неравенства» и «гармоничная стабилизация», а скорее, наоборот, усугубление разрыва между крайними полюсами богатства и бедности, и как следствие – появление новых угроз для социальной стабильности. Более того, наступление постиндустриальной эпохи сделало проблему бедности уже *глобальной социальной проблемой*. Попытка в некотором роде придать проблеме бедности забвению в период эйфории «конца истории» лишь на время отсрочила осознание углубляющегося мирового неравенства, которое не может не вызвать социальные конфликты, становящиеся в условиях глобальной нестабильности весьма опасной тенденцией.

Социолог Зигмунт Бауман в работе «Возвышение и упадок труда» [2, с. 21–38] отмечает, что при переходе от классического индустриального общества, именуемого им «тяжёлой современностью», к постиндустриальному, характеризуемому им в качестве «текущего», начал постепенно разрушаться союз труда и капитала. Капитал стал всё более освобождаться от своих обязательств перед трудом, что привело к усугублению социального неравенства и к росту разрыва между богатыми и бедными [2, с. 31–32]. При этом важно отметить фактор глобализации, которая создала единое информационное пространство, повисив, тем самым,

требования к качеству жизни, сделав их практически едиными по всему миру [17, с. 9], отсюда новое понимание её феномена.

Бедность как социально-экономическая категория всесторонне анализируется в докладах о человеческом развитии Программы развития ООН, авторы которых в юбилейном 20-м «Докладе о человеческом развитии» за 2010 г. ввели индекс многомерной бедности. Авторами доклада подчёркивается многомерный характер бедности, вследствие чего её нельзя сводить только лишь к денежным показателям [6, с. 8]. В общем и целом, можно сказать, что круг экспертов Программы развития ООН, участвующих в составлении докладов, склонен выражать точку зрения экономических «левых» с их приверженностью социально-эгалитарным взглядам и оппонированием социальному неравенству. Помимо авторов докладов о человеческом развитии, в разрушение неолиберально-неоконсервативного консенсуса о «конце истории» также внесли значительный вклад такие экономисты, как Пол Кругман, Джозеф Стиглиц и уже упоминавшийся Томас Пикетти.

Последствия процессов роста мирового неравенства осмысливал российский философ А. С. Панарин, который ещё в начале 2000-х гг. прогнозировал мировой кризис как следствие наступления «нового либерального расизма», объявившего войну бедным [13, с. 34]. Мыслитель отмечал, что торжествующая в современном мире «зловещая тенденция, связанная с уходом мирового капитала из производящей в спекулятивно-ростовщическую и экспроприаторскую экономику «валютных игр», неминуемо ведёт к расширению планетарной зоны бедности» [13, с. 217].

Это принципиально важный момент, на котором мы хотели бы особо заострить своё внимание. Несмотря на внушительный, не наблюдавшийся в истории никогда ранее рост объёмов мировой экономики и, соответственно, богатства в конце XX – начале XXI в., параллельно происходит всё возрастающая концентрация капиталов и богатств в руках катастрофически малой части населения земного шара. Об этом, в частности, говорит французский экономист Томас Пикетти [14, с. 16], об этом говорят экономисты-нобелевские лауреаты, это подтверждают эксперты на различных международных площадках. В опубликованном в газете «*The Times*» материале «Кто хочет стать первым триллионером?» пишется: «Аналитики отмечают, что в ближайшие 25 лет международной элите предстоит поднять тост за первого в мире триллионера, поскольку супербогатые становятся ещё богаче, а глобальное богатство всё больше поляризуется» [23].

Усиление неравенства, концентрация капитала в руках немногих, становление транснационального капитала, а теперь и пандемия COVID-19 привели к реактуализации социальной повестки дня, прежде всего к проблематике бедности и неравенства. Попытки абстрагироваться от данной проблемы либо же признать её «нормальным» положением вещей ведут лишь к усилению социальной нестабильности и чреваты серьёзными социально-политическими потрясениями.

Проблематика бедности и социального неравенства приобретает всё большую актуальность в рамках новейшего социально ориентированного дискурса – одного из приоритетов концепции ответственного развития. Вследствие присущей ей этической, гуманитарной ориентации данная концепция способна включить в себя не только характерный для модерна прагматический подход к проблемам бедности и неравенства, но также и *возродить на новом уровне домодерновое морально-нравственное измерение рассматриваемой социальной проблематики*.

По всей видимости, преодоление проблемы бедности вряд ли возможно в рамках прежнего мироустройства и прежней парадигмы мирового развития. Думается, что концепция ответственного развития может способствовать тому, чтобы глобальные трансформации происходили в сторону более справедливого и стабильного миропорядка.

Список литературы

1. Бардин, А. Л. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспект / А. Л. Бардин, М. И. Сигачёв // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 24–41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – Москва : Логос, 2005. – 390 с.
3. Блаженный Августин. Исповедь. – Санкт-Петербург : Наука, 2013. – 373 с.
4. Булычев, И. И. Об интегративной парадигме в философии XX столетия / И. И. Булычев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 1 (29). – С. 3–16.
5. Джордж, Г. Прогресс и бедность: Исслед. причины пром. застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства, Средство избавления / Г. Джордж ; пер. с англ. С. Д. Николаева. – Москва : Генри Джордж Фондейшен, 1992. – 384 с.
6. Доклад о развитии человека 2010. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. – Москва : Весь Мир, 2010. – 244 с.
7. Иоанн Златоуст, свт. Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. – Москва : Ковчег, 2006. – Том 1. Беседы на книгу Бытия. – 912 с.
8. Лунев, С. И. Инкубаторы для инноваций – опыт Индии / С. И. Лунев // Запад – Восток – Россия 2016 / отв. ред.: Д. Б. Малышева, В. Г. Хорос. – Москва : ИМЭМО РАН, 2017. – С. 71–76.
9. Малиа, М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира / М. Малиа. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2015. – 408 с.
10. Мизес, Л. фон. Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война / Л. фон Мизес. – Челябинск : Социум, 2006. – 466 с.
11. Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А. А. Дынкина. – Москва : Магистр, 2017. – 352 с.
12. Мор, Т. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III / Т. Мор. – Москва : Ладомир, Наука, 1998. – 464 с.
13. Панарин, А. С. Православная цивилизация / А. С. Панарин. – Москва : Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
14. Пикетти, Т. Капитал в XXI в. / Т. Пикетти. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
15. Платон. Государство / пер. с древнегреч. А. Н. Егунова. – Москва : Академический проект, 2015. – 398 с.
16. Рейган, Р. Великая Америка / Р. Рейган // Англосаксонская мировая империя. – Москва : Алгоритм, 2014. – С. 3–118.
17. Садовая, Е. С. Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект / Е. С. Садовая, В. А. Сауткина. – Москва : ИМЭМО РАН, 2015. – 206 с.
18. Семенов, И. С. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению / И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 7–26.
19. Сергеев, М. Е. О Блаженном Августине / М. Е. Сергеев // Блаженный Августин. Исповедь. Санкт-Петербург : Наука, 2013. – С. 247–274.
20. Хайек, Ф. Дорога к рабству / Ф. Хайек. – Москва : Новое издательство, 2005. – 264 с.
21. Хайлбронер, Р. Л. Философы от мира сего / Р. Л. Хайлбронер. – Москва : АСТ, 2016. – 432 с.
22. Трубецкой, Е. Н. Политические идеалы Платона и Аристотеля в их всемирно-историческом значении / Е. Н. Трубецкой // Платон. Государство. – Москва : Академический проект, 2015. – С. 5–29.
23. Bridge, M. Who wants to be the first trillionaire? / M. Bridge // The Times, May 2014. – Режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/who-wants-to-be-the-first-trillionaire-jl6qv395r0m>, свободный. – Заглави с экран. – Яз. англ.
24. Macmillan, H. The Middle Way: A Study of the Problem of Economic and Social Progress in a Free and Democratic Society / H. Macmillan. – London, 1939. – 382 p.

References

1. Bardin, A. L., Sigachyov, M. I. Diskursy razvitiya: sotsialno-gumanitarnyy aspekt [Development discourses: social and humanitarian aspect]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN* [Analysis and forecast. Journal of IMEMO RAS], 2019, no. 4, pp. 24–41. DOI: 10.20542/afij-2019-4-24-41.
2. Bauman, Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ. House, 2005, 390 p.
3. *Blazhennyy Avgustin. Ispoved* [Blessed Augustine. Confession]. St. Petersburg, Nauka Publ. House, 2013, 373 p.
4. Bulychev, I. I. Ob integrativnoy paradigme v filosofii XX stoletiya [On the integrative paradigm in philosophy of the XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities], 2003, no 1 (29), pp. 3–16.

5. Dzhordzh, G. *Progress i bednost. Issledovanie prichiny promyshlennykh zastoev i bednosti, rastushchey vmeste s rostom bogatstva* [Progress and Poverty. Research into the causes of industrial stagnation and poverty that grows with the rise in wealth]. Moscow, Genri Dzhordzh Fondeyshen m Publ. House, 1992, 384 p.
6. *Doklad o razvitií cheloveka 2010. Realnoe bogatstvo narodov: puti k razvitiyu cheloveka* [Human Development Report 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development]. Moscow, Ves Mir Publ. House, 2010, 244 p.
7. Ioann Zlatoust, svt. *Svyashhennoe Pisanie v tolkovaniyakh svyatitelya Ioanna Zlatousta* [John Chrysostom, St. Holy Scripture as interpreted by St. John Chrysostom]. Moscow, Kovcheg Publ. House, 2006, vol. 1, 912 p.
8. Lunev, S. I. *Inkubatory dlya innovatsiy – opyt Indii* [Incubators for innovation - the experience of India]. *Zapad – Vostok – Rossiya 2016. Ezhegodnik* [West – East – Russia 2016. Yearbook]. Ed. by D. B. Malysheva, V. G. Horos. Moscow, IMEMO RAS Publ. House, 2017, pp. 71–76.
9. Malia, M. *Lokomotivy istorii. Revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira* [Locomotives of history. Revolutions and the formation of the modern world]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya Publ. House, 2015, 408 p.
10. Mizes, L. fon. *Vsemogushhee pravitelstvo: Totalnoe gosudarstvo i totalnaya voyna* [Omnipotent Government: Total State and Total War]. Chelyabinsk, Sotsium Publ. House, 2006, 466 p.
11. *Mir 2035. Globalnyy prognoz* [World 2035. Global forecast]. Ed. by A. A. Dynkin. Moscow, Magistr Publ. House, 2017, 352 p.
12. Mor T. *Utopiya. Epigrammy. Istoriya Richarda III* [Utopia. Epigrams. History of Richard III]. Moscow, Ladomir Publ. House, Nauka Publ. House, 1998, 464 p.
13. Panarin, A. S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [The Orthodox civilization]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ. House, 2014, 1248 p.
14. Piketti, T. *Kapital v XXI v.* [Capital in the XXI century]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015, 592 p.
15. Platon. *Gosudarstvo* [Plato. State]. Interpreter from ancient Greek A. N. Egunov. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. House, 2015, 398 p.
16. Reygan, R. *Velikaya Amerika* [Great America]. *Anglosaksonskaya mirovaya imperiya* [Anglo-Saxon World Empire]. Moscow, Algoritm Publ. House, 2014, pp. 3–118.
17. Sadovaya, E. S., Sautkina, V. A. *Transformatsiya printsipov sovremennogo miroustroystva: sotsialnyy aspekt* [Transformation of the principles of modern world order: the social aspect]. Moscow, IMEMO RAS Publ. House, 2015, 206 p.
18. Semenenko, I. S. *Gorizonty otvetstvennogo razvitiya: ot nauchnogo diskursa k politicheskomu upravleniyu* [Horizons of responsible development: from scientific discourse to political management]. *Polis. Politicheskíe issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no 3, pp. 7–26.
19. Sergeenko, M. E. *O Blazhennom Avgustine* [About Blessed Augustine]. *Blazhennyy Avgustin. Isповед* [Blessed Augustine. Confession]. St. Petersburg, Nauka Publ. House, 2013, pp. 247–274.
20. Khayek, F. *Doroga k rabstvu* [The road to slavery]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ. House, 2005, 264 p.
21. Khaylbroner, R. L. *Filosofy ot mira sego* [Philosophers of this world]. Moscow, AST Publ. House, 2016, 432 p.
22. Trubeckoy, E. N. *Politicheskie idealy Platona i Aristotelya v ikh vse-mimo-istoricheskom znachenii* [Political ideals of Plato and Aristotle in their world-historical significance]. *Platon. Gosudarstvo* [Plato. State]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. House, 2015, pp. 5–29.
23. Bridge, M. *Who wants to be the first trillionaire?* May 2014. Available at: <https://www.thetimes.co.uk/article/who-wants-to-be-the-first-trillionaire-ji6qv395r0m>.
24. Macmillan, H. *The Middle Way: A Study of the Problem of Economic and Social Progress in a Free and Democratic Society*. London, 1939, 382 p.